

Эльдар Рязанов как зеркало великой криминальной революции

Задолго до выхода этого фильма на экран интригующая реклама настойчиво обещала, что он станет кинобомбом года. Популярнейший режиссер, первоклассные актеры, любимый зрителями комедийный жанр...

Но вот год кончается, и можно вполне определенно сказать: события не получились. Больше того, чувствуя недавно знаменитого мастера кино в связи с 70-летием, о последней его работе выступавшие в газетах и по телевидению предпочитали стыдливо помалкивать.

Почему же? Что за этим?

Соб. Россия - 1997 - 23 Дек - с. 2
Первый раз я смотрел новую картину Эльдара Рязанова «Привет, дуралей!» еще в январе. После начала показа это был двенадцатый день, то есть, по существу, премьера. Однако в кинотеатре «Художественный» — Арбатская площадь, центр Москвы! — даже выходным субботним днем зал был почти пуст.

Невольно вспомнились столпотворения в кинотеатрах, когда выходили на экран прежние рязановские фильмы. Начиная с «Карнавальная ночь» и кончая «Забытой мелодией для флейты».

Да, пожалуй, именно «Флейта» стала последней из его премьер, на которые по всей стране рвались и ломались зрители.

«Небеса обетованные», несмотря на бурную рекламу, ничего подобного уже не вызвали. «Предсказание» — тем более. И это, на мой взгляд, совсем не случайно. Это имеет свою логику, горькую логику, очередным подтверждением которой стали «Дуралей».

Конечно, можно сказать и так: число зрителей в зале перестало у нас быть с некоторым пор показателем успеха или провала картины, поскольку кинотеатры пустуют стабильно. Тут дают о себе знать и цена билетов, ставшая для многих недоступной (в «Художественном» на этот раз — 15 тысяч), и настроение людей, когда, прямо скажем, абсолютному большинству — не до кино (также и не до театра, не до толстых журналов, художественных выставок, музеев и т.д.).

Что ж, все это входит в ту самую логику, по которой многие еще недавно столь популярные и любимые народом деятели нашей культуры лишились многолетней популярности и любви. Но главное, разумеется, в том, что делают сегодня эти деятели для своего народа.

«Эльдар Рязанов по-прежнему верит в чудо!» — уверяли заголовки рекламных заметок, предвещающих премьеру «Привет, дуралей!».

«По-прежнему» — это ключевое. И смысл понятен: внушить зрителям, что лучше всего в себе признанный художник не изменил. Пожалуй, как и прежде, снял лирическую (или «ностальгическую», согласно афише) комедию. Как и прежде — о любви.

«О чем же еще может снимать Рязанов? — захлебывались ангажированные газеты, изо всех сил приманивая людей. — Удивительно все-таки свойство очень взрослого человека — верить в сказку, в чудо встречи двоих! И всегда-то они у него встречаются — в новогородно ли ночь, жарким ли летним днем, как в этом последнем фильме...»

Что встречается у Рязанова на этот раз? В изложении тех же восторженных газет «она, Ксения (артистка Татьяна Друбич), и он, Юрий Каблуков, по кличке, естественно, Каблук (артист Вячеслав Полунин) — откровенные, явные «дуралей», люди с обочины, не вписавшиеся в поворот, катастрофически не умеющие устраиваться в нашей жестокой, страшной жизни. Она — теряющая зрение интеллектуалка, вынужденная торговать книгами с лотка. Он — филолог, вынужденный мять столичные памятники. Чудики, странные люди, изгой! Безусловно. Но еще и те, в ком душа жива, кто все еще способен если и обобщиваться, то исключительно не в свою пользу, и ночевать на крыше, и не поступаться принципами, и верить в чудо».

Вот «такие герои. Казалось бы, совестливости и порядочности их — тоже из прежнего Рязанова. Но круто изменилось общество, в котором они живут! Поменялись идеалы. Совестливость теперь «непрестижна», как и всякие там интеллектуальные профессии, потому и стали эти двое «изгойми», «странными людьми».

Мне могут возразить, что ведь и в прежнем нашем обществе идеалистам и бесребреникам было нелегко, что в определенном смысле нелегко им всегда. Однако...

Написал же автор процитированной заметки: «...в нашей жестокой, страшной жизни». Про сегодняшнюю жизнь! Причем написал это вовсе не какой-то коммунистический автор в оппозиционной газете.

Значит, то, что жизнь у нас сегодня жестокая и страшная, приходится признавать. Ну а какой же поворот привел к ней? От чего и к чему поворот, в который «не вписались» эти люди, «катастрофически не умеющие устраиваться»?

Давайте назовем вещи своими именами: от социализма к капитализму.

Я не буду здесь вдаваться в теоретизирование, разбираться, насколько развитой или заремаренный был социализм, при котором мы жили, и насколько сформировавшимся является криминальный капитализм, в котором оказались да и художник — не теоретик. Он в той или иной жизни «просто» существует и ею так или иначе вдохновляется. Важно, что же его вдохновляет в окружающей жизни и на что.

После премьеры нового фильма Рязанова я задал вопрос нескольким зрителям: понрави-

лось? И все они (кстати, большие поклонники рязановского таланта) отвечали одно: нет!

Почему не понравилось — с ходу и однозначно определить затруднились. Кто-то говорил про надуманность ситуации, положенной в основу сюжета. Кто-то про смешение жанров: на лирическую комедию не тянет, сатирической не вышло, а эксцентрической — тоже. Кто-то был раздражен натужным юмором — изо всех сил стараются рассмешить, а не получается.

Все так. И про сюжет, и про жанры, и, безусловно, про юмор. Чего стоит хотя бы такой образчик его. Обаятельный киллер Федя (знаменательно, что киллеры, то есть наемные убийцы, все чаще становятся героями «нашего нового кино») объясняет свою повышенную тягу к женщинам следующим образом: 32 человека отправил на тот свет — теперь надо столько же воспроизвести, над чем он в поте лица и трудится.

А вот мы при этом должны засмеяться. Вам смешно, читатель? И хоть сколько-нибудь напоминает вам этот, с позволения сказать, юмор прежнего Рязанова, который на дух не переносил пошлости?

Впрочем, вдумайтесь. Здесь ведь не только пошлость и натужность. Когда-то Гоголь вопрошал: над кем смеетесь? Здесь авторов фильма хочется спросить: над чем смеетесь? Все-таки человек убит 32 человека!..

Этот вопрос — над чем смеетесь? — возникает и в связи с главным, центральным сюжетным узлом фильма. А он закручивается вокруг того, что теряющая зрение героиня, которой грозит полная слепота, ищет способ вылечить-

ся. Рецептов ей предложено два: операция или... «традиционная поддерживающая терапия — регулярный секс». Тут мы, конечно, тоже должны захохотать. Причем из этого рецепта авторы и дальше вовсю стараются выжать подобие комических ситуаций.

Однако смеяться над ними совсем не хочется! И не только потому, что от них опять разит пошлатиной. Смех отбивается еще и чем-то более существенным. Все время из головы не выходит, по какой причине эта целомудренная девушка вынуждена столь неумело, неловко и якобы смешно искать «сексуального партнера». Ведь в связи с первым-то рецептом ей было сказано: «Цена за операцию — от двух до четырех тысяч долларов».

Вот на чем пытается Эльдар Александрович закрутить комедию. Но скажите, разве не грешно смеяться над этим? Засмеется по такому поводу (девушка слепнет, и у нее нет четырех тысяч долларов, чтобы спастись от слепоты), может, лишь человек, для которого лично эти четыре тысячи никакой проблемы не представляют, для которого они — просто пустяк, да к тому же если человек этот абсолютно глухой душевно, нравственно!

Не знаю, что значит для гражданина «новой России» Рязанова четыре тысячи долларов, составляющие в пересчете на «неденонмированные» рубли кругленькую сумму больше 20 миллионов. Но вот полная душевная и нравственная глухота, постигшая художника Рязанова, налицо.

Взявшись юмористически эксплуатировать такой сюжет, он же не мог не знать, что эта сумма — реальная, настоящая цена за нынешнюю операцию, причем еще далеко не самая высокая из тех запредельных и доступных лишь «избранным» цен за лечение, которые утверждаются у нас теперь.

«После несчастного случая ребенок-инвалид оказался должен государству 50 миллионов рублей», — пишет даже правительственная газета. Она же дает заголовок: «С протянутой рукой — за жизнью». И поясняет: «Вылечить, а иногда элементарно спасти ребенку жизнь можно только с помощью операции, например, в Бакулевском институте. Но операции эти дорогие».

Да, настолько дорогие, что многие не могут и мечтать о подобных деньгах. Сколько трагедий из-за этого происходит! Не в кино, а в самой что ни на есть действительности человек теперь принужден оставаться без зрения или даже умирать, поскольку он — за чертой бедности. Конечно, имеются и такие, которые могут себе позволить буквально все что угодно. Однако других-то неизмеримо больше! Увы, «традиционная поддерживающая терапия» не заменяет необходимых, но ставших вдруг недоступными операций.

Хотать над этим? «Увольте!» — скажет всякий, кто не до конца потерял совесть. Что же тогда представляют собой художники, берущие смешить нас эдакими ситуациями? С кем они? С теми, кто может все («все могут короли») и у кого совесть, как и нравственный слух, напрочь отсутствует, или с так назы-

ваемыми простыми людьми?

Ответ, мне кажется, вполне исчерпывающе дан крупными газетными заголовками, появившимися в связи с 70-летием кинематра: «На своем юбилее Эльдар Рязанов выпил с Наиной Ельшиной на брудершafft».

Вот он пьет на брудершafft с супругой президента и берет верноподданнические телеинтервью у самого президента, а хозяин ВАЗа дарит ему «Жигули». Другой мэтр, театральный, в юбилейный день лобызается с президентом, книгу которого он поставил выше Льва Толстого, а президент самолично вешает ему орден на шею и раздает «Жигули» его актерам.

Тот самый президент, волею которого устроена воистину прекрасная нынешняя жизнь для миллионов соотечественников...

И после этого телевидение вместе с газетами пытаются убедить нас, что сих мэтров народ любит по-прежнему? И сами мэтры в это верят?

Не обольщайтесь, господа! Если к вам и осталось у многих зрителей теплое чувство, то оно — к вам **прежним**, кого уж нынче нет. Оно поддерживается лишь вполне понятной ностальгией по жизни, в которой создавались, естественными были и «Карнавальная ночь», и «Берегись автомобиля», «Ирония судьбы» и где человеку не приходилось сходить с ума от необходимости и невозможности достать 20, 50 или 100 миллионов на спасительную медицинскую операцию.

Но вы ту жизнь, которая дала вам самое дорогое — признательность и любовь людей, бесстыдно проклины. Может ли такой грех сойти безнаказанно?

Право, мне кажется порой,

что от прежней Людмилы Марковны Гурченко, которую мы до сих пор любим как прелестную Леночку Крылову в «Карнавальная ночь», при всем ее таланте осталась лишь хваленая талия, о коей не перестают твердить телевидение и газеты: 46 сантиметров. Замечательно, однако скажем так — далеко не все для прежней всенародной любви!

Та любовь ушла, как ушла она сегодня и из вашего искусства, господа. Вместе с самим искусством, которому вы изменили, променяв его на суету модных тусовок и заказных политических шоу, на пошлость рекламы и видимость свободы.

Подельсь наблюдением весьма характерным. Новый фильм Рязанова действительно вроде бы о любви, как и все лучшие его старые картины. А если еще точнее — о том, как приходит любовь. Вспомните: следуя непредсказуемой иронии судьбы, она пришла той памятной новгородной ночью в стандартную ленинградскую квартиру, чтобы остаться со всеми нами навсегда; и в казенную канцелярию, где возник абсолютно непредвиденно тот служебный роман; и на суетный, шумный вокзал, ставший вокзалом для двоих...

Любовь приходит и к героям нового рязановского фильма. Вернее, нам показывают, что любовь **будто бы** приходит. Но... глядя на экран, мы совсем не чувствуем этого!

В самом деле, обращусь к тем, кто фильм посмотрел: где же он, заветный момент, когда в ней и в нем рождается это трепетное чувство? Умозрительно, может, вы что-то и назовете. Она уронила книги в фонтан, а он их извлекает, бросая на нее заинтересованный взгляд. Или вот они, многозначительно глядя в глаза друг другу, читают строки из «Еклезиаста». Ну а в конце она вообще кричит — на широком московском просторе, на фоне живописных холмов Крылатского, — кричит во весь голос, какой он, Юрочка, хороший и как она его любит.

Однако все это не передает ровным счетом ни-че-го! То есть передает только на словах. Нам говорят о любви и **показывают** любовь, но — **без чувства любви**.

Между тем когда происходит настоящее, неподдельное чудо? Чудо любви и чудо искусства, что в основе, может быть, одно и то же?

По признанию поэта — «когда строку диктует чувство».

Здесь чувства нет. Оно в фильме так и не возникает. Не чувствуется, а потому и не трогает.

Вспомните-ка по контрасту «Иронию судьбы», которую вы смотрели, наверное, не меньше десятка раз. Там тоже, кажется, неумовимо каждое мгновение чуда — когда и как рождается любовь. Однако вы рождение любви **чувствуете**. Во всей атмосфере, в словах и движениях — его и ее, в музыке и песнях, звучащих за кадром и в кадре.

Здесь тоже песни одного из самых талантливых и любимых Рязановым композиторов — Андрея Петрова. В исполнении Сергея и Татьяны Никитиных (Сергей пел и в «Иронии судьбы»). Почему же чуда нет? Почему не производят его ни прекрасные съемки, сделанные лучшими нашими кинооператорами Владимиром Нахабцевым и Павлом Лебешевым, ни добротная работа художника-постановщика Александр-

ра Борисова, ни всяческие трюки, к которым прибегает режиссер, дабы поразвлечь зрителей и пошекотать им нервы?

Эффектно поставлены и сняты, ничего не скажешь, финальные кадры, где перед нами распахивается как бы вся Москва и где герой в развевающихся бинтах возвышается на ветру неким символом. Но... На это смотришь все-таки отвлеченно, прохладно! Смотришь, отмечаешь мысленно мастерство тех, кто поставил и снял, и только. Я невольно вспомнил, что ничего подобного в скромнейшей «Иронии судьбы» ведь не было. До аскетизма непритязательно там все в смысле постановочном. А поеди ты, как волнует по сей день...

Выходит, невелика цена всем внешним эффектам в сравнении с тем, что ушло от художника. Ушло слишком много!

Любовь. Искренность чувства. Душа. Есть разные суждения по поводу происходящего с нашим кино. Конечно, безденежье, разрушение студий... Но вот Рязанов на своих «Дуралеях» деньги получил. Он изобильно получил их и на «Предсказание» — после знаменитых телестрел с президентом. А результат?

Думаю, деньги действительно играют роковую роль в кризисе кино и всей нашей культуры. Однако не только и даже не столько потому, что на истинную культуру их все больше не хватает. Суть в том, какое место они заняли в иерархии общественных ценностей.

Попробуйте назвать слово, ставшее паролем нашего общества сегодня. Так сказать, на обломках проклятого социализма.

Правильно: **деньги**. «Теперь толкуют о деньгах», — пророчески спел незадолго до своего ухода Юрий Визбор. И с грустью, с пронзительной тоской вздохнул: «Тот век осыпался, как мел, что начинался с буквы «л», заканчиваясь мягким знаком...»

Видно, и вправду несоместны они — любовь и деньги. Как гений и злодейство. И если деньги забирают душу, не остается в ней места для любви. Не это ли постигло шибко «демократических» деятелей нашего искусства?

Впервые, впервые за всю историю творческую биографию «мастера волшебных киносказок» и великий утешитель», как титулуют Рязанова, сделал сказку, где чудо совершается **не любовью, а деньгами**. Вполне прозаическими деньгами, которые стали кумиром общества и вот уже возводятся в перл создания.

В новом фильме Рязанова героиня от любви в обморок не падает. А увидев, что в тайнике нет ожидавшихся сокровищ, теряет сознание. И это психологически вполне мотивировано! Зря она потом обвинит себя в меркантильности. Чего там, если жизнь стала такая. Надежда-то на сокровища с чем была связана? Сделать заветную операцию, чтобы окончательно не ослепнуть.

Ну, конечно, придуман замысловатый сюжет. Герою в самом начале видится вещий сон, подсказывающий, где спрятан тайник с драгоценностями. А спрятав эти фамильные драгоценности дедушка героини — знаменитый глазной врач, в квартиру которого вламываются в 1917-м звероподобные матросы и рабочие — большевики. Сохранив кое-что от них, дедушка через годы как бы протягивает руку помощи своей внучке: один бракет ей все же удастся найти.

Правда, при этом никак не уйдешь от мысли, что еще недавно, «при большевиках», не понадобилась бы несчастной Ксении такая рука, ибо операцию она могла бы сделать бесплатно...

Словом, концы с концами тут не очень сходятся. Поплевав на большевиков, «новую действительность» вместе с «новыми русскими» мэтр достойно воспеть не сумел.

Почему-то не верится и в то, что следующий рязановский фильм, о котором исподволь уже начали многообещающе говорить (снова испытанный соавтор Эмиль Брагинский, снова любовь!), станет событием. Вот так же тилился вернуться к себе прежнему художник Чарков в гоголевском «Портрете». Однако суетные и корыстные побуждения, погубившие его талант, оказались сильнее. Проданная нечистой силе кисть неизбежно приводит к творческому бесплодию.

Хочется сказать: именно поэтому не получается у вас сегодня, господа. Именно поэтому нет настоящего искусства, исполненного свежести, достоверности и любви, а есть лишь фикция, подделка. Подделка под вас самих — прежних.

«Привет, дуралей!» — подделка под Рязанова. «Какая чудная игра» — подделка под Петра Тодоровского.

«Вор» — подделка Павла Чухрая под Григория Чухрая.

Но что же подделки, им цена соответствующая... Вот обещают показать по телевидению в новгородную ночь версию кинорежиссера Юрия Мамина по мотивам рязановской «Карнавальная ночь». Так ведь год назад, помнится, одна версия по ней уже была. А лучше бы и не было!

Нет, лучше уж дайте нам возможность еще раз посмотреть саму «Карнавальную ночь» и нестарую «Иронию судьбы, или с легким паром». Дайте истинное искусство. Подделок не надо.